

Е. К. Ковалева

ПРОБЛЕМА ЧИТАТЕЛЯ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ

В литературоведении начала XXI века категория «читатель» – одна из наиболее востребованных. И это вполне закономерно. Широкое распространение коммуникативных моделей анализа текста вводит читателя в поле зрения исследователей. Читатель понимается как равноправный участник стандартной модели коммуникации автор – произведение – читатель. Однако сложность и трудноуловимость феномена читателя порождает либо размытость подходов к нему, либо некоторую абстрактность концепций, мало применимых методологически. Специалистами отмечается неупорядоченность использования терминологического аппарата. Термин «читатель» заменяется (зачастую синонимично) адресатом, реципиентом, или модифицируется путем изменения к нему смысловой приставки: имплицитный, имманентный, виртуальный, идеальный, образцовый и т. д. С категорией читателя тесно связана проблема интерпретации произведения: одни специалисты полагают, что художественный текст предлагает некую единую программу восприятия, по мнению других, возможно бесчисленное множество его трактовок.

В зарубежной науке о литературе возникновение теории читателя датируется 1970-ми гг., и связывается с декларациями структуралистов о смерти автора и необходимости замены его читателем (программная статья Р. Барта «Смерть автора» (1968). В Европе и США формируются основные более или менее устойчивые концепции читателя в структурализме (М. Риффатерр), постструктурализме (У. Эко, Ж. Деррида, П. де Ман, Дж. Х. Миллер), рецептивной эстетике (В. Изер, Х. Р. Яусс, С. Фиш), нарратологии (Дж. Принс, Ж. Женетт, С. Чэтман, В. Шмид), марксистской критике (Т. Иглтон). Разработанные теории во многом сложились под влиянием положений русского формализма (В. Пропп, В. Шкловский, Б. Эйхенбаум), М. Бахтина, Ю. Лотмана, У. Бута. В отечественном литературоведении, как и в зарубежном, именно в 1970-е гг. осуществлено (на теоретическом уровне) разведение реального и литературного читателей, а также признание читателя активным участником литературного процесса (М. Бахтин, Б. Корман).

Сложность и многоаспектность феномена читателя, невыявленность многих форм читательского присутствия в тексте, неопределенность в плане внутренней структуры читателя, составляющих ее компонентов, модели развития – совокупность перечисленных факторов актуализирует обращение к этой проблеме. Задача данной статьи – рассмотреть основные концептуальные положения в теориях читателя второй половины XX – начала XXI вв., выдвинувших термин для обозначения адресата художественного произведения и теоретически обосновавших его употребление.

Изучение понятия читатель связывается с процессом чтения и формами читательской активности. В рамках структурализма проблему читателя наиболее плодотворно разрабатывает М. Риффатерр. Основной вопрос – ограничено ли читательское воображение архитектурным замыслом писателя или каждый

читатель видит в произведении что-то свое – М. Риффатерр решает довольно четко. Он считает, что произведение диктует читателю единственное восприятие, так как текст выстроен таким образом, что читатель останавливает свое внимание на определенных местах и не может их миновать, как бы невнимателен он ни был.

Категория читателя мыслится М. Риффатерром как заданная, «программируемая» структурой художественного произведения. Ученым предложен термин «средний читатель», замененный впоследствии «архичитателем» (*archilecteur*), или сверхчитателем¹. Под архичитателем понимается группа информантов, которая реагирует на определенные места в тексте, т. е. посредством единства их реакций устанавливается существование в тексте стилистических приемов. По Риффатерру, читатель как обобщающий термин для группы читателей, обладающих различной компетенцией, позволяет эмпирически достоверно учесть и семантический и прагматический потенциалы, заключенные в тексте.

Концепция М. Риффатерра обнаруживает два основных дискуссионных аспекта, выделяемых специалистами. Прежде всего это вопрос об уровне читательской компетенции. По мнению О. В. Солоухиной, установление интертекстуальных влияний предполагает не сводимую к общему знаменателю компетенцию. Интертекстуальность присутствует только в сознании читателя, обращение к иным текстам происходит в форме воспоминаний, возможно, не всегда четких. Поэтому интертекстуальность – понятие непостоянное, она то суживается до одного текста, то расширяется, стремясь к бесконечности, в зависимости от эрудиции читателя [17, с. 230].

Второй дискуссионный момент теории М. Риффатерра затрагивает концептуальное положение структурализма, опровергаемое современными литературоведами, – исключение категории автора в ходе анализа текста. В теории М. Риффатерра «*il reste de l'auteur que le texte*» [25, с. 47], «творца» не существует, рассматриваются взаимоотношения только текста и читателя, без учета авторского замысла и уровня его воплощения. Текст в трактовке М. Риффатерра погружен в межтекстовую реальность до такой степени, что в нем не остается ничего уникального, авторского: он представляет собой комбинацию уже знакомых, бывших в употреблении кодов.

Тезис о возможности множества интерпретаций текста отстаивают сторонники постструктурализма и деконструктивизма. В теоретических построениях У. Эко и Йельской школы деконструктивистов отправными точками избраны разные трактовки художественного произведения. Для У. Эко это понятие «открытого произведения», где открытость понимается как «принципиальная неоднозначность художественного сообщения» [21, с. 10]. Представители Йельской школы (Ж. Деррида, П. де Ман, Дж. Х. Миллер) опираются на интертекстуальное понимание природы художественного

1 Riffaterre R. *Essays de stylistique structurale*. – P., 1971. – 364 p.; Riffaterre R. *Semiotics of poetry*. – Bloomington; L., 1978. – X, 213.

произведения: по их мнению, вариант конечной интерпретации зависит от уровня компетенции читателя, от его способности установить связи читаемого текста с другими текстами, написанными ранее.

Концепция открытого произведения разработана У. Эко в работе с одноименным названием («Открытое произведение» (1962)). Термин «образцовый читатель» (*lettore modello*) и модель взаимодействия между текстом и читателем предложены ученым в работах «Роль читателя» (1979) и «Пресловутый читатель» (1979)¹. Образцовый читатель определяется У. Эко как «комплекс благоприятных условий, которые должны быть выполнены, чтобы данный текст полностью актуализировал свое потенциальное содержание» [22, с. 25]. В основу теории У. Эко заложено расчленение содержания текста на четыре уровня: дискурсивные, нарративные, актантные и идеологические структуры. При актуализации каждого уровня читательская активность принимает новые формы. Читатель реконструирует действительные обстоятельства высказывания (исторический период, этнический или культурный профиль автора и т. д.), преодолевает разрыв между миром вымышленных персонажей и миром собственного опыта. Интерпретационная свобода читателя, по У. Эко, реализуется, во-первых, его решением, как активизировать тот или иной текстовый уровень, и, во-вторых, выбором применяемого кода. При этом У. Эко считает, что интерпретации любого произведения могут быть многочисленными, но не безграничными. «Вместе с прочтениями, не вызывающими возражений, ... могут существовать прочтения, решительно неправильные, не подтверждающиеся при внимательном разборе всех элементов текста» [16].

А. Р. Усманова указывает на несомненную теоретическую актуальность концепции «образцового читателя» для 70-х гг., когда «неприемлемость структуралистского подхода к тексту, а равно и «классического» герменевтического стала очевидна для всех и потребность в новой парадигме интерпретации буквально витала в воздухе» [19, с. 130]. Вместе с тем исследователь видит в концепции У. Эко эстетизированность и формальность, оторванность «образцового читателя» от читателя эмпирически существующего. «Его единственной связью с миром является культурная традиция, а единственной жизненной функцией – функция интерпретации» [19, с. 131].

В программной работе Иельской школы деконструктивизма² концепция читателя описывается оппозицией понятий «наивный читатель» и «критик-читатель». Наивный читатель, согласно йельцам, стремится обнаружить в художественном произведении якобы никогда не присутствующий в нем единый и объективный смысл. Однако чтение произведения, считает Дж. Х. Миллер, влечет за собой его активную интерпретацию со стороны читателя. Каждый читатель овладевает произведением и налагает на него определенную схему «смысла». «Существование бесчисленных интерпретаций любого текста

¹ В русскоязычном переводе концептуально важные главы обеих книг изданы под общим названием «Роль читателя» [22].

² Deconstruction and criticism И By Bloom M. et al. – N. Y., 1979. – IX. – 256 p.

свидетельствует о том, что чтение никогда не бывает объективным процессом обнаружения смысла, а является вложением его в текст, который сам по себе не имеет никакого смысла» [24, с. 123]. Критик-читатель, по мнению ученых, должен следовать свободной игре активной интерпретации, ограниченной лишь рамками конвенций общей интертекстуальности, что открывает перед ним «бездну» возможных значений.

Если для М. Риффатерра интертекстуальное понимание природы художественного произведения служит основанием для утверждения общего уровня коллективной читательской компетенции, а значит, и единственного толкования текста, постструктуралисты «учитывают совершенные ошибки»: ориентируясь на различие уровней читательской компетенции, они из интертекстуальности выводят идею возможности множества интерпретаций текста.

Рецептивная эстетика¹ для тезиса о неоднозначности восприятия текста предлагает два обоснования. Одно направление, связанное с феноменологией, отличается интересом к индивидуальному читателю и представлено В. Изером. По мнению В. Изера, «есть тексты, с потенциалом к разным реализациям, и ни одно чтение никогда не может полностью исчерпать их потенциал, потому что каждый читатель заполняет пробелы по-своему, исключая тем самым другие способы... Принимая свои решения, читатель имплицитно признает неисчерпаемость текста» [8, с. 209]. Другое направление, в лице Х. Р. Яусса, делает акцент на коллективном аспекте чтения. По Х. Р. Яуссу, понимание произведения обществом зависит от исторически меняющегося контекста его существования.

Концепция «имплицитного читателя»² описывает соотношение двух аспектов понятия «читатель»: читателя как элемента текстовой структуры с эмпирическим читателем, а также читателя и текста. Имплицитный читатель понимается ученым как универсальная текстовая структура, предусматривающая множество возможных реакций реального читателя и предполагающая синтез разрозненных рецептивных установок и впечатлений от процесса чтения. В концепции В. Изера имплицитный читатель предлагает читателю реальному некоторую модель, позволяющую ему собрать воедино смысл текста. Водительствуемый имплицитным читателем, реальный читатель одновременно и активен и пассивен. Таким образом, читатель воспринимается и как текстуальная структура (имплицитный читатель) и как структурирующий акт (реальное чтение) [11, с. 178].

¹ Разработка проблемы читателя в рецептивной эстетике имеет твердую теоретическую основу. Можно проследить линию преемственности и определенные теоретические отпочкования, лежащие на периферии основной традиции:

1) феноменология Э. Гуссерля, берущая свои истоки в гештальт психологии, 2) эстетика Р. Ингардена, 3) гештальт теории Ф. Перлза, 4) герменевтика Г. Гадамера и, как завершающий этап, рецептивная эстетика Х. Р. Яусса и В. Изера

² На сегодняшний день работы В. Изера (Iser W. Der implizite Leser. Kommunikationsformen des Romans von Bunyan bis Beckett – München, 1972. – 420 S.; Iser W. Der Akt des Lesens: Theorie ästhetischer Wirkung. – München, 1976. – 357 S) остаются основными исследованиями в области рецептивной эстетики.

По В. Изеру, функция читателя – силой воображения, сотворчества заполнить пробелы текста. Заполняя очередной пробел, «читатель вступает в коммуникацию с текстом» [7]. Значение сообщения зависит от интеретативных предпочтений реципиента. Вводится понятие «странствующая точка зрения» (Wandelnde Blickpunkt), которая зависит от индивидуально-психологических и социально-исторических характеристик реципиента. «В выборе точки зрения читатель свободен не полностью, так как ее формирование определяется и текстом» [10, с. 10]. Текст должен направлять читателя и его направляющая роль в процессе чтения сводится к тому, чтобы «подтолкнуть читателя к коммуникации, об успешном осуществлении которой свидетельствует утверждение смысла» [7].

Дискуссионным моментом теории В. Изера А. Компаньон считает неясность вопроса о том, как практически встречаются имплицитный читатель с читателем эмпирическим, обязательно ли последний подчиняется инструкциям текста, и если не подчиняется, то как описать эти нарушения.

Х. Р. Яусс предложил понятие «горизонт читательских ожиданий»¹, которое обозначил как комплекс эстетических, социально-политических, психологических и прочих представлений, определяющих отношение читателя к произведению. Важную роль в формировании горизонта ожидания играют жанры. «Новый текст вызывает у читателя (слушателя) известный по прошлым текстам горизонт ожиданий и правил игры, которые могут затем варьироваться, корректироваться, сменяться или же только воспроизводиться» [23, с. 60].

Специфическая предрасположенность читателя к определенному жанру, которую автор так или иначе учитывает, может возникать, по Х. Р. Яуссу, и без наличия эксплицитных сигналов со стороны произведения. Этот процесс происходит на основе трех факторов: 1) известных норм или имманентной поэтики жанра; 2) имплицитных связей с уже известными произведениями, вошедшими в историю литературы; 3) на основе противоречия между вымыслом и реальностью, возможность сравнить и сопоставить которые всегда есть для рефлектирующего читателя. Последним фактором обусловлено то обстоятельство, что читатель может воспринимать новое произведение как в рамках узкого горизонта своих ожиданий, так и в широком русле своего жизненного опыта.

В своей концепции Х. Р. Яусс рассматривает две стороны отношений текста и читателя: воздействие текста на общество и его восприятие обществом. Горизонт читательских ожиданий взаимодействует с горизонтом ожиданий, закодированным в произведении. В ходе взаимодействия двух горизонтов осуществляется рецепция произведения и формирование эстетического опыта читателя. Горизонт ожидания произведения стабилен, в отличие от исторически меняющегося, способного к трансформациям горизонта ожиданий реципиента. Восприятие текста читателем, по Х. Р. Яуссу, напрямую определяется

¹ Jauss H. R. Literaturgeschichte als Provocation. – Frankfurt a M., 1970. – 250 S.

историческим фактором. Последний тезис специалисты относят к противоречивым моментам теории ученого. Если рецепция произведения всегда зависит от исторического контекста, значит, в ней не может быть ничего постоянного, устойчивого. Значит, ни одно произведение не может считаться классическим, стирается грань между шаблоном и классикой, а это по выражению А. Компаньона, «как-никак печально» [11, с. 158].

Американская разновидность рецептивно-эстетических теорий известна под названием школы читательских реакций (рецептивной критики). Множественность толкований произведения выводится представителями этого направления из понимания произведения как процесса, создающегося в акте восприятия посредством чтения. Произведение получает свое значение в результате взаимодействия печатного текста с работой воспринимающего его сознания читателя. Наиболее полно концептуальные воззрения школы читательских реакций отражает деятельность С. Фиша, который предложил термин «информированный читатель»¹. Такой читатель, по мнению ученого, посредством своей компетенции создает текст, его реакции следуют одна за другой во время чтения. Значение текста создается в процессе смены реакций, которые возникают в читательском сознании как отклик на текст. Для полноценного общения с текстом информированный читатель должен обладать следующими характеристиками: 1) «компетентно» говорить на языке, посредством которого создан текст; 2) в полной мере владеть семантическим знанием, которое подводит реципиента к пониманию. Сюда же входит знание идиом, лексических конструкций, профессиональных терминов и т. п.; 3) быть компетентным в литературных традициях. По критическому замечанию А. Компаньона, С. Фиш, отнеся все значение на счет читателя, тем самым стал «требовать для чтения права на полную субъективность и случайность» [11, с. 187]. Столь радикальная позиция приводит к исключению из анализа категорий автор и произведение, и к абсолютному единовластию читателя².

Специфика читателя в системе нарратологического мышления определяется приоритетным признанием коммуникативной природы литературы. Читатель выступает как самостоятельная текстовая (повествовательная) структура, обладающая всеми свойствами и признаками участника единой «коммуникационной цепи»³. Для теории читателя нарратология разрабатывает два важных аспекта: введение термина «наррататор» и, что особенно важно, трактовка читателя как многоуровневой повествовательной инстанции. Понятие наррататор, предложенное Дж. Принсом, понимается как разновидность внутреннего адресата, явного или

¹ Fish S. *Utterance in the reader: Affective stylistics* // *New lit. history*. – Charlottesville, 1970. – Vol. 2. – №1. – P. 123-162.

² В книге «Is There a Text in This Class?» (1980), которая представляет собой сборник статей предшествующего десятилетия, С. Фиш радикализирует свою теорию в другом направлении. Он не просто заменяет власть автора и власть текста властью читателя, но и считает необходимым свести эти три инстанции к власти «интерпретативных сообществ». Интерпретативные сообщества, наподобие изеровского репертуара или яуссовского горизонта ожидания, представляют собой комплексы интерпретативных норм, как литературных, так и внелитературных, которые разделяются некоторой группой. Но, в отличие от репертуара или горизонта ожидания, интерпретативное сообщество уже не оставляет ни малейшей автономии читателю, а равно вытекающему из этого чтения тексту; вместе с игрой нормы и отклонения от нее упраздняется всякая субъективность.

³ Коммуникационная цепь состоит из отправителя информации, сообщения (коммуниката), т. е. автора литературного произведения; самого коммуниката (в данном случае литературного текста); получателя сообщения (читателя). Ильин И. П. Нарратология // *Западное литературоведение XX в.: Энциклопедия*. – М.: Интрада, 2004. – С. 280–281.

подразумеваемого собеседника, к которому обращена речь рассказчика-нарратора, слушателя обращенного к нему рассказа, воспринимателя информации, сообщаемой повествователем. Свою разработку термин «наррататор» получил в трудах Дж. Принса «Введение в исследование наррататора» (1973), «Нарратология – формы и функции повествования» (1982), «Словарь нарратологии» (1987), С. Чэтмана «Произведение и дискурс. Нарративная структура в художественной литературе и кинематографе» (1978), Ж. Женетта «Новый дискурс» (1983) и др.

Наррататор рассматривается как переменная и трансформирующаяся величина, способная в зависимости от техники повествования (от первого или третьего лица, сказового, диалогического, эпистолярного и т. п.) приобретать различную форму и степень повествовательной активности. Выделяется несколько видов наррататоров. 1) Самостоятельный персонаж, как в случае «рамочного» способа повествования, когда рассказчик, выступая в роли персонажа, сообщает какую-либо историю своему слушателю-наррататору, также воплощенному в действующее лицо. При этом он может быть пассивным слушателем, играть важную роль в событиях или вообще быть лишенным статуса персонажа. 2) Особый вид наррататора возникает при обращении рассказчика к самому себе, порождая форму, часто встречающуюся в дневниковых жанрах, драматических монологах, «самооткровениях» внутреннего монолога и т. п. 3) Наррататор «в нулевой степени» (понятие Дж. Принса), знающий только деннотации, но не коннотации слов рассказчика-нарратора. «Несостоятельный читатель», который не понимает целиком смысл рассказа и не разделяет намерения автора.

Модель читателя как многоуровневой повествовательной инстанции разрабатывается Дж. Принсом, М. Баль, Я. Линтвельтом¹. Впервые вариант такой модели, отражающий основные уровни иерархии читателя и продуктивный в плане методологической практики, предложен В. Шмидом в 1973 году. В сложной структуре понятия читатель В. Шмид выделяет три уровня: 1) конкретный читатель; 2) абстрактный читатель², состоящий из двух разновидностей – предполагаемого адресата и идеального реципиента; 3) фиктивный читатель (наррататор). Конкретный читатель понимается как существующий вне читаемого им произведения и независимо от него. По мысли В. Шмида, это не один читатель, а бесконечное множество всех реальных людей, которые в любом месте и в любое время стали или становятся реципиентами данного произведения. Выделение на уровне абстрактного читателя двух параллельно существующих величин, по В. Шмиду, обусловлено функциями, которыми автор наделяет читателя. Предполагаемый адресат трактуется как адресат, способный понять идеологические, ценностные и эстетические нормы произведения. Под идеальным реципиентом понимается инстанция, призванная

¹ Prince G. *Narratology: The form a functioning of narrative*. – B. etc., 1982. – VII, 184 p.; Bal M. *Narratology: Les instances du récit*. – P., 1977. – 199 p.; Lintvelt J. *Essai de typologie narrative: Le «point de vue»: Théorie et analyse*. – P., 1981. – 315 p.

² В трактовке других нарратологов (Ж. Женетта, Дж. Принса, У. Мартина) абстрактный читатель терминологически обозначен как имплицитный читатель.

идеальным образом осмыслить и принять смысловую позицию, которую подсказывает произведение. По В. Шмиду, поведение идеального читателя, его отношение к нормам и ценностям фиктивных инстанций целиком предопределены текстом. В. Шмид подчеркивает – «не волей конкретного автора, а зафиксированными в произведении и гипостазируемыми в абстрактном авторе творческими актами» [20, с. 61]. Разница между указанными ипостасями абстрактного читателя для ученого тем важнее, чем своеобразнее идеология произведения, чем больше оно апеллирует к принятию не общепризнанного мышления. Фиктивный читатель, или нарратор трактуется как проекция нарратора, та инстанция, к которой нарратор обращает свой рассказ.

Подход к проблеме читателя с позиций нарратологической методологии выявляет два важных аспекта: 1) понимание инстанции читателя как многоуровневой, сложно организованной структуры; 2) необходимость анализа категории читателя в неременной связи не только с текстом, но и с категорией автора. Таким образом, в европейском и американском литературоведении категория читателя разрабатывается последовательно и плодотворно. В дискуссиях сторонников структурализма, постструктурализма, рецептивно-эстетических, нарратологических концепций кристаллизуется представление о феномене читателя. Оспаривая друг друга, концепции уточняются, выверяются, ищут модель, которая могла бы наиболее полно отразить суть изучаемого явления.

Свой взгляд на проблему читателя имеют и отечественные литературоведы. В советский период это прежде всего М. Бахтин и Б. Корман. Целостностью подхода к категории читателя отличаются работы Б. Кормана [12; 13], который считает, что феномен читателя тесно связан с феноменом автора. На основе собственной концепции автора, предполагающей различные градации этой категории, ученый подходит к пониманию читателя как структуры, содержащей несколько уровней, когда «каждому значению слова «автор» соответствует определенное значение слова «читатель» [12, с. 209]. Особое место в этой структуре занимает «концептированный» читатель – постулируемый адресат, идеальное воспринимающее начало, способное адекватно воспринять предлагаемую произведением установку. Как элемент эстетической реальности концептированный читатель «формируется произведением, создается, komponуется им» [12, с. 209].

Свое понимание соотношения понятий «автор» и «читатель» Б. Корман предлагает в схеме: автор биографический – автор как носитель концепции произведения – опосредующие его субъектные и внесубъектные формы – читатель, совмещающийся с каждой из этих форм, – читатель как постулируемый адресат, идеальное воспринимающее начало – читатель как реально существующий социально-исторический и культурно-психологический тип [12, с. 211].

По существу, разработка Б. Кормана (датированная 1977 годом) оказывается очень близка теоретическим построениям европейских

нарратологов о повествовательных уровнях и представителей рецептивной эстетики о читателе. Началом, объединяющим эти три подхода, выступает понимание читателя как иерархически организованной структуры. Разными методологическими путями ученые приходят к схожим по характеру выводам. Европейские специалисты опираются на научные идеи М. Бахтина, особенно важной для них стала теория первичного и вторичного автора. Б. Корман, используя разработки В. Виноградова, берет за основу субъектную систему произведения.

По Б. Корману, реальный автор (писатель) путем творческой переработки жизненного материала создает автора как носителя концепции произведения. «Инобытием такого автора, опосредованием является весь художественный феномен, который предполагает идеального, заданного, концепированного читателя» [12, с. 211]. В процессе чтения и восприятия произведения реальный читатель порождает читателя концепированного. Функцию формирования концепированного читателя выполняют формы выражения авторского сознания. Читатель совмещается с субъектом сознания в разных точках зрения (оценочной, пространственной, временной, фразеологической), которые определяют его эстетический облик. Трактовка читателя, предложенная Б. Корманом, имеет четкое теоретическое и логическое обоснование. Незаслуженно «забытая» сегодня, она, как представляется, могла бы стать прочной основой для комплексного осмысления природы читателя современными литературоведами.

М. Бахтин не выдвигает четкой дефиниции категории читателя, однако его теоретические положения о читателе, во многом соотносимые с рецептивно-эстетическими концепциями, остаются актуальными и сегодня. Категория читателя (помимо эстетического и философского аспектов) связана с «продуктивной матрицей мысли Бахтина» [1, с. 21] – диалогичностью. Текст понимается как событие встречи в нем двух сознаний – авторского и читательского. «Событие жизни текста, то есть его *подлинная сущность* (курсив М. Бахтина), всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [2, с. 285]. Идея сотворчества автора и читателя объединяет М. Бахтина с рецептивно-эстетическими воззрениями при некотором различии акцентов. В рецептивной эстетике читатель расшифровывает смысл, заложенный автором в текст, заполняет пробелы, реагирует на авторские высказывания, – то есть при всей возможности множества интерпретаций все же зависит от автора. У М. Бахтина наоборот, автор поставлен в зависимость от читателя: читатель влияет на стиль и жанр создаваемого текста. Сознание читателя не только содержательно наполняет произведение, но и косвенно оформляет его путем предвосхищения автором реакции читателя. «Кому адресовано высказывание, как говорящий (или пишущий) ощущает и представляет себе своих адресатов, какова сила их влияния на высказывание – от этого зависит и композиция и – в особенности – стиль высказывания» [3, с. 200]. Влияние адресата на автора определяет жанр текста: «Говоря, я всегда учитываю апперцептивный фон восприятия моей речи адресатом. Этот учет определит и выбор жанра высказывания» [3, с. 201].

Постсоветское литературоведение активно продолжает исследование проблемы читателя. В диссертациях [10; 15], монографиях [9], статьях [5;6;14;18], используются теоретические разработки предшественников, которые обильно комментируются, анализируются, уточняются. По мнению одних исследователей, категория читателя настолько трудноуловима и многоаспектна, что конкретное художественное произведение оказывается богаче готовых абстрактно-теоретических построений. «Такова природа художественного творения – неисчерпаемость и несводимость к набору рациональных формулировок» [4, с. 133]. Другие специалисты, отмечая ценность некоторых теоретических положений, констатируют поисковое состояние современной теории читателя, «не оформившейся в определенную школу или учение» [5, с. 522]. Утверждается необходимость выработки четких характеристик категории читателя. Так или иначе, проблема читателя остается одной из центральных для современного литературоведения. И ее дальнейшее теоретическое осмысление – создание новых моделей, типологий или структур читателя – важно и актуально. Но возможно ли создание единой «универсальной» и всесторонней концепции читателя – вопрос открытый.

Литература

1. Аксенов А. В. Вненаходимость и диалог // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999, №1. <http://nevmenandr.net/dkx/?y=1999&n=1&abs=Aksenov>
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1979.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т.5. Работы 1940-х - начала 1960-х годов. – М.: Русские словари, 1996. – С. 159-206.
4. Болотова М. А. Текст и смысл: стратегии чтения // Критика и семиотика. Вып.7, 2004. – С. 133-141.
5. Большакова А. Теории читателя и литературно-теоретическая мысль XX века // Теоретико-литературные итоги XX в. Читатель: проблемы восприятия. – МЛ: Праксис, 2005. – С. 512-65.
6. Ибрагимов М. И. "Читатель" в компаративистике: проблемы и аспекты изучения // *Русская и сопоставительная филология*. – Казань; Казан, гос. ун-т, 2005, – 256 с.
7. Изер В. Проблема переводимости: герменевтика и современное гуманитарное знание // <http://www.independent-academy.net/science/library/iser.html>
8. 16 Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология / Сост. И. В. Кабанова – М.: Флинта: Наука, 2004. – С. 201-224.
9. Кайда Л. Г. Композиционная поэтика текста: монография. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 408 с.

10. Ковылкин А. Н. Читатель как теоретико-литературная проблема: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.08. – Москва, 2007. – 125с.
11. Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл: Пер. с фр. – М.: Изд-во им. Сабашиниковых, 2001. – 336 с.
12. Корман Б. О. Автор литературного произведения и читатель // Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. – 552с. См. также: Проблема целостности литературного произведения и методика ее изучения в вузовском и школьном преподавании. – Донецк: Донецкий гос. ун-т, 1977. С. 9-11.
13. Корман Б. О. О целостности литературного произведения // Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. – 552с. См. также: Изв. АН СССР, ОЛЯ. 1977. Вып. 6. С. 508-513.
14. Нестеров А. Ю. Проблема пространственного моделирования символической целостности эстетического объекта // <http://www.philosophy.ru/library/nesterov/space.html#ftnrefl1>
15. Павленко В. В. Художественные функции автора и читателя в произведениях Джона Барта и Дональда Бартелма 1950-1970-х гг.: конвенции новаторство'. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.04 – литература зарубежных стран. Днепропетровск 2003.
16. Ребеккини Д. Умберто Эко на рубеже веков: от теории к практике // НЛО, 2006, №80. <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/80/re26.html>
17. Солоухина О. В. Концепции читателя в современном западном литературоведении // Теории. Школы. Концепции (Критические анализы). Художественная рецепция и герменевтика / Борев Ю. Б. – М., 1985.
18. Теоретико-литературные итоги XX в. Читатель: проблемы восприятия. – М.: Праксис, 2005.
19. Усманова А. Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. — Мн.: "ПроPILEI", 2000. – 200 с.
20. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
21. Эко У. Открытое произведение. – СПб., 2004.
22. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – СПб.: Symposium; М.: РГГУ, 2005. – 502 с.
23. Юсс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения // НЛО, 1995, № 12. – С. 39-84.
24. Miller J. H. Tradition and difference, rev. of M. H. Abrams' Natural supematuralisme // Diacritics. – (N. Y) Baltimore. 1972. Vol. 2. №2, p. 9-12 // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – М., 2004.
25. Riffaterre R. Essays de stylistique structural. – P., 1971. – 364 p.

Аннотация

Ковалева Е. К. Проблема читателя: основные аспекты.

Рассматриваются теоретические модели осмысления категории читателя. Внимание сосредоточено на концепциях, выдвинувших термин для обозначения адресата художественного произведения и теоретически обосновавших его употребление.

Ключевые слова: читатель, рецепция, интерпретация.

Анотація

Ковальова О. К. Проблема читача: основні аспекте.

Розглядаються теоретичні моделі осмислення категорії читача. Увагу зосереджено на концепціях, які запропонували термін для визначення адресату художнього твору та теоретично обґрунтували його вживання.

Ключові слова: читач, рецепція, інтерпретація.

Summary

Kovaliova E. K. The problem of Reader: basic aspects.

Theoretic Models of understanding "Reader" category are under analysis. The article focuses on the concepts introducing the term of "Reader" category to designate the consignee of the art piece and then theoretically proving the use of the term.

Keywords: reader, reception, inteipretation.